

Слёзы Турана -17: Огузы

Category: Kitarcy, Taryhy proza
написано kitarcy | 24 января, 2025
Слёзы Турана -17: Огузы ОГУЗЫ

(Из записок древнего историка)

«...И вот они кочевники: дома у них из кошм, и они всегда переезжают. Управляет ими совет. Но только они решатся на что-либо, приходит самый ничтожный из них и самый жалкий и уничтожает то, на чем они уже сошлись... Правила женитьбы у них такие: если один из них сватает у другого какую-нибудь из женщин семьи, дочь или сестру, или кого-либо из тех, кем он владеет, он одаряет хорезмийскими одеждами. И когда он заплатит это, только тогда везет женщину к себе. А иногда махр (Махр – калым) бывает – верблюды или лошади, или иное подобное. Ни один из купцов или кто-либо другой не может совершать омовение после нечистот в их присутствии. Но только ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гnevаются и говорят: «Этот хочет нас околдовать: разве вы не видите, как он уставился в воду», и заставляют его платить деньги.

И ни один мусульманин не может проехать по их стране, пока не назначат ему из среды биста, у которого они останавливаются и привозят ему из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. Биста для купцов ставит юрту и доставляет ему овец сколько может, так что мусульманину остается только закалывать их, так как огузы их не закалывают.

Кто-либо из них бьет барана по голове, пока тот не умрет... И если купец захочет уехать и ему понадобятся какие-нибудь из верблюдов или лошади, или он нуждается в деньгах, то он берет верблюдов, лошадей и имущество, нужное ему, и отправляется, а когда возвратится, возмещает бисте стоимость имущества и возвращает верблюдов и лошадей.

Так же поступают огузы и с любым приезжим, если человек придет и скажет ему: «Я твой гость, и я хочу получить твоих верблюдов

и твоих лошадей, и твоих дирхемов», – то он вручает ему то, что он захотел.

И если купец умрет в той стране и караван возвращается, то турк их встречает и говорит: «Где гость мой?» И если говорят: «Он умер», – то караван разгружается. Потом он идет к самому богатому из купцов, какого он видит среди них, развязывает его имущество, в то время как тот смотрит и берет из его дирхемов соответственно своему имуществу, отданного купцу из этой страны. Но не берет он лишнего зернышка. И также он берет из числа лошадей и верблюдов и говорит: «Это твой сын твоего дяди по отцу, и тебе более всего надлежит уплатить за него».

А если купец убежал от бисты, то огузы совершали то-же действие и говорили купцу: «Это такой же мусульманин, как и ты: возьми же ты у него». А если мусульманин не соглашался возместить за гостя таким путем, то огузы спрашивали о сбежавшем, где он находится, и если его направят, то он едет, ищет его на расстоянии пути в несколько дней, пока не прибудет к нему и не заберет своего имущества у него. И также то, что дарил ему. Таков же огузский обычай: если он въезжает в алджурджанию и спрашивает о своем госте, то останавливается у него пока не уедет обратно.

Но если турк умрет у своего друга мусульманина и если приедет караван, в котором есть его друг, то они убивают его. А если мусульманина того нет в караване, они убивают самого выдающегося купца...

Все они выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел дряхлого старика из их числа, который выщипывал себе бороду и оставлял немного от нее под подбородком, а на старике была одета шуба.

Уезжая из этой области, мы остановились у командующего войском. У него челядь, свита и большой дом. Он пригнал нам овец и привел лошадей, чтобы мы закололи овец и ездили верхом на лошадях. Он пригласил всех домочадцев и сыновей своего дяди, и убил для них множество овец. А мы уже раньше преподносили ему подарки из одежд, изюма, орехов, перца и проса...

Я видел его жену, которая была раньше женой его отца, но не

мать. Она взяла мясо, молоко и кое-что, что мы прибавили, вышла из дома в пустыню, вырыла яму и погребла в ней, причитая. Я спросил у переводчика: «Что она говорит?» Он ответил:

– Это приношение для отца Атрака, мужа...

Когда же наступила ночь, вошли я и переводчик к военачальнику, а он сидел в своей юрте, а с ним было письмо, в котором предлагалось принять ему ислам., К нему направлялось 50 инеров и три мискаля мускуса, целые кожи, две одежды мервские (мы скроили из них для него две куртки и целые сапоги), одежду из парчи, пять одежд из шелка, – и мы вручили ему подношение, а жене его подарили покрывало и перстень. Я прочитал ему письмо, а он сказал переводчику:

– Я не отвечу вам ничего, пока вы не возвратитесь. Я напишу султану о том, что я решу, – и он снял парчу, которая была на нем, чтобы надеть подаренные одежды...

В один из дней он послал за предводителями, приближенными к нему. И был Тархан самый благородный из них, самый уважаемый. Он был хромой, слепой, однорукий. И тогда он – Атрак, сказал им:

– Истина, вот послы арабов к моему зятю, сыну Шилки (Шилки – имя болгарского царя), и нехорошо было бы, если бы я отпустил их иначе, как после совета с вами.

Тогда Тархан сказал:

– Это такое дело, какого мы не видывали совершенно и не слыхивали о нем, и мимо нас не проходили какие бы послы султана, с того времени, как существуем мы и отцы наши. Не иначе, как султан устраивает хитрость и направляет этих людей к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. Пусть Атрак разрежет этих милых послов пополам, а мы заберем то, что с ними имеется...

И сказал другой из них:

– Нет! Мы возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились откуда прибыли.

– Нет, у хазар есть каши пленные. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех!..

И так они не перестали спорить между собой, а мы находились в

смертельном положении, пока они не объединились на том мнении, чтоб отпустить нас, и чтобы мы уехали...

Мы отправились и достигли реки Баганди. Люди вытащили свои дорожные мешки, а они были из шкуры верблюдов. Потом наложили в мешки одежду и домашние вещи, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок село еще пять-шесть человек. Они взяли деревяшки из белого тополя и держали их, как весла, непрерывно ударяя, а вода несла их дорожные мешки, и мешки вертелись, пока мы не переправились. А что касается лошадей и верблюдов, то они переправлялись сами...

Я видел из числа огузов таких, что владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец. Чаще всего овцы пасутся по снегу, выбивая копытами и разыскивая траву. А если они не находят ее, то грызут снег и до крайности жиреют...»

* * *

Плохо человеку, когда у него нет родины. Судьба носит его по земле, как одуванчик. Теряется язык, культура... Так и малый народ, потерявший родину. Он обречен на вымирание.

Огузы не вымерли, но они не имели своих угодий. В государстве Санджара они были на правах поселенцев, сохранивших самостоятельность, но плативших за нее огромные деньги.

По натуре своей народ этот был степной, храбрый, свободолюбивый. Все достояние воина-кочевника было при нем, а поэтому он мало подчинялся своим высшим родоначальникам.

Часть этого народа в начале XI века жила в Нисайской равнине, на Мангышлаке, в низовьях Аму-Дарьи, у Аральского моря. А часть, после долгих скитаний и сражений, перешла Аму-Дарью и запросила разрешения у султана Санджара поселиться в его государстве.

Санджар долго думал, как поступить. Можно ли допустить на свои земли этот воинственный народ? Не опасно ли держать у себя во дворе тигра? Хорошо, если можно будет заставить хищника дружелюбно относиться к хозяину и своим присутствием устрашать зловредных соседей. А если ему – тигру не угодят или рассердят его? У него – султана, есть надежные псари, но во сколько

обойдется победа в этой внутренней драке, которой можно было бы избежать?

...Ответ пришел утром. Во дворец пригласили укротителя хищников. Своих зверей индус сажал на крохотные стульчики, и они подолгу сидели спокойно на подставках, не обращая внимания на спину дрессировщика, которую, – султан это знал, – нельзя показывать ни львам, ни тиграм, а тем более противнику во время боя. После Санджару рассказали, что дрессировщик оттого ведет себя храбро, что зверям некогда следить за ним: на маленьких, хитро сколоченных подставках у хищника затекают ноги и он все время переставляет их.

Это навело султана на мысль – оставить огузов у себя, расположив их на территории эмира Кумача. Свободолюбивые огузы, конечно, причинят эмиру немало забот, но зато отвлекут Кумача от Мерва, за которым атабек так внимательно следит.

А чтобы кочевники были менее опасны для государства, султан Санджар решил обложить их тяжелейшими налогами.

Огузы согласились на самые тягостные условия и осели в долине Балха.

Дела принимали все более крутой оборот. У эмира Кумача были свои друзья и враги. Он коварно решил склонить огузов на свою сторону и втянуть их в войну с предводителем Тохаристана, эмиром Зенги.

Тучи сгустились. Tarуhy proza